

J. G. Grandjouan. «*Le qui vive*». Deux cents jeux d'observation, recueillis et commentés. Édition des éclairés de France, 1942, 224.

В недавнее время во Франции появился ряд интересных сборников народных игр¹. Многие из этих сборников выдержали по несколько изданий, а сами игры завоевали большую популярность среди французского народа всех слоев. В массовых играх Франции проявляется традиционное галльское остроумие и веселье, живая повседневная деятельность трудовых масс, неисчерпаемый источник жизненной силы и глубокого оптимизма народа Франции. Игры, как и народные песни, принадлежат всем и никому. Они — результат коллективного творчества многих поколений. Они сохранили печать глубокой старины и отражают быт и нравы, суеверия и предрассудки, материальную и духовную культуру отдаленных времен.

Автор рецензируемого сборника — педагог, имеющий многолетний опыт собирания народных игр в целях их практического использования в школе на занятиях по физической культуре. Публикуемые в настоящем сборнике игры собраны автором в разных местах Франции между 1920 и 1930 гг. В предисловии автор признает, что собранные им игры далеко еще не изучены, и те беглые комментарии, которые он к ним дает, не могут дать исчерпывающей картины всего многообразия и богатства французских народных игр. Чтобы уяснить все фольклорное значение собранного материала, игры должны быть подвергнуты систематическому изучению и не только с узко-педагогической точки зрения, как это пытаются делать многие исследователи народных и детских игр Запада, но прежде всего с историко-материалистической и этнографической точек зрения. Такая работа должна опираться не на случайные комментарии отдельных игр, выхваченных произвольно по каждому практическому случаю, но на многочисленные монографии специалистов в области фольклора народных игр. Особую трудность составит классификация игр, определение их характера и важности каждой из них для фольклора. Предполагается, что многие из издаваемых автором игр были известны древним народам. Так, современная французская игра «Медведь и его сторож» и бельгийская игра «Коза» (что то же самое), по мнению автора, адекватны примитивной игре древних греков «Котелок». Нечто подобное мы имеем и у римлян. Великие художники Геркуланума и Помпеи воспроизвели эту игру в своих картинах из быта древнего Рима. Но социальное значение многих приводимых автором игр остается невыясненным. Нет сомнения, что часть их восходит к глубокой древности и дошла до нас в сильно обновленном виде. Иногда новые элементы игры до того изменили ее первоначальную идею, что весьма трудно определить ее пережиточное значение. Большая часть игр возникла в последующее время и даже в наши дни. Наиболее занимательные быстро стали всеобщим достоянием и даже вывозятся за пределы Франции. Наблюдается обратное явление: автор приводит некоторое число английских, бельгийских и немецких игр, которые попали на французскую почву в виде бродячих сюжетов. Игры сборника разбиты автором на четыре категории соответственно рубрикам: внимание и самообладание, восприятие, память, словарь и комбинации. В описание каждой игры входит: сама игра, условия местности, число участников, материал для игры и обстоятельства, при которых она проходит, затем советы, как лучше организовать игру, и, наконец, замечания о том, как реагируют участники игры на отдельные ее моменты.

Несмотря на тщательный подбор материала и добросовестное их описание, многие игры для практического их исполнения непригодны, хотя имеют несомненный фольклорный интерес.

К. Гагкаев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Hsiao-Tung Fei. *Peasant life in China*. A field study of country life in the Yangtze valley. With a preface by B. Malinowski. New-York, 1939, XXVI—300.

Книга эта написана молодым китайским ученым и представляет собой основанное на материале, собранном в 1936 г., этнографо-социологическое описание небольшого, с населением около 1500 человек, китайского села Кайсенкунг, находившегося в долине нижнего течения р. Янцзы, на побережье озера Тан, в 80, примерно, милях от

¹ Таковы, например: K. Jetzer. *Jeux de plein air et d'intérieur*, Paris, 1927; C. Bruel. *400 jeux pour jeunes filles et enfants*, Paris; M. Lecompte. *L'ancienne et la nouvelle collection des jeux de société*, Paris; B. Jubert. *50 jeux pour nos vacances*, Lyon, 1933; L. de Valaincourt. *Jeux de société*, Paris, 1929; «Cigogne ingénue». *Jouons et crions*. Louvain, 1933; J. Joussetin et R. Lafont. *Quelques jeux pour Louveteaux et Petites Ailes*; Guillen et Grandjouan. *Le livre des jeux*, Paris, 1930.

Шанхая. «Находившегося» — потому что, как сообщает автор, село это оказалось в зоне японской оккупации и было разрушено.

Начав с общего географо-эконом-демографического очерка Кайсиенкунга, автор в последующих главах дает краткие характеристики основной общественной ячейки — семьи, далее собственности и порядка наследования, более широких родственных групп, села в целом, домашнего быта и хозяйственной деятельности, заканчивая главой, посвященной аграрной проблеме в Китае. В приложении — заметка о китайской терминологии родства.

Работа Фей прекрасна по замыслу и является первым в литературе опытом этнографической монографии, посвященной китайской деревне. Как сообщает автор, одновременно с ним такие же работы были предприняты и исполнялись несколькими молодыми китайскими учеными, получившими соответствующее специальное образование в Китае. Фей сверх того два года учился в Лондоне под руководством покойного Б. Малиновского. Отсюда печать «функционализма» и той, свойственной Малиновскому, особой манеры изложения, которая отчетливое описание фактов, необходимое этнографии прежде всего, подменяет своей, весьма субъективной интерпретацией и социологической оценкой этих фактов. Сюда присоединяются, тоже в манере современной зарубежной социологии, настоячивые попытки систематизировать и классифицировать, далеко не всегда удачно, все описываемые явления. В результате, изложение автора таково, что можно, если это кому-либо подойдет, заимствовать его оценки и характеристики, но фактический материал использовать трудно.

Преимущественное внимание и место автор уделяет вопросам экономики описываемого им села, в частности земледелию и кустарному шелкопрядению. Нам лично больше интересовали бы данные о китайских родственных группировках, в частности о большей семье «шиа», о которой много, но малоотчетливо говорилось в старой литературе и которая только в недавнее время сделалась предметом специального внимания и исследования ряда, преимущественно китайских, ученых. Но здесь автор, к сожалению, и краток и неотчетлив. Автор заявляет, что большой семьи в Кайсиенкунге нет, что она здесь исчезла, как и во всем Китае. Последнее не верно, во всяком случае в отношении южного Китая, где, по показаниям других исследователей, большая семья в ее пережиточной форме, сохраняется поныне. Но, сообщая, что семья в Кайсиенкунге состоит обычно из 4—5 человек, Фей рядом рассказывает, что сыновья, женившись, обычно не отделяются, а продолжают вести общее хозяйство и жить с отцом. Одновременно Фей дает такое определение китайской «шиа»: небольшая родственная группа, состоящая из семьи в качестве ее ядра и нескольких связанных с ней родственников. Но это все же не что иное, как большая семья! Китайские исследователи различают три вида родственных группировок Китая: «шиа» — большую семью, «ши» — родственную ветвь и «тсу» — то, что мы называем патронимией. Фей называет наряду с «шиа» «тсу» и указывает на реальное значение в общественной жизни и культуре этой группировки, однако необходимого описания ее не дает.

В общественной и духовной культуре Кайсиенкунга, видимо, очень сильны элементы материнского права, как это обнаруживается в среде сельского населения всего Китая. Автор, в качестве ученика Малиновского, не склонен эти элементы выделять, настаивая на сугубо патриархальном характере описываемого им общества, и слов «матриархат» или «материнское право» мы у него не находим. Однако о другом говорит ряд его сообщений: распространенность кузенного, считая по отцовской линии, брака, как наиболее предпочитаемой формы, тогда как брак так называемых параллельных кузенов, например, девушки с сыном сестры ее матери, считается «несчастливым» и избегается; распространенность часто сопутствующего кузенному браку сговора малолетних, тесная связь ребенка со своей материнской родней, которую он обычно посещает несколько раз в году, и пр., обо всем этом автор говорит бегло и кратко. Лишь об авункулате Фей сообщает более подробные сведения: материнский дядя — обязательный участник специальной церемонии, совершаемой по достижении новорожденным одного года, он выбирает имя ребенку, он отводит его первый раз в школу, он — посредник во всех конфликтах между сыном и отцом, защитник племянника от жестокого обращения отца, в случае необходимости племянник убегает к дяде, от дяди получает ценный подарок при женитьбе, дядя — судья при дележе имущества между отцом и сыном или между братьями.

Давая в пространном предисловии весьма высокую оценку книге Фей и отмечая научное значение подобного рода монографии, Малиновский, перейдя к общим рассуждениям, по своему обыкновению, настаивает на прикладном значении этнографического исследования, в данном случае — в плане изучения процесса «европеизации» Китая. Но эта предполагаемая Малиновским «европеизация» была для Кайсиенкунга предвосхищена радикальной «японизацией».

М. Косвен

Мохаммед Бахман Бахман биги, *Обычаи племен Фарса*. Тегеран, 1324 (1945).

Население Ирана, как известно, весьма неоднородно по своему этническому составу. Основная народность Ирана — иранцы (персы) составляют лишь около половины